

МЫ ЖИВЕМ В МИРЕ САМООЧЕВИДНЫХ ИЛЛЮЗИЙ¹

Илья Теодорович Касавин – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН. E-mail: itkasavin@gmail.com

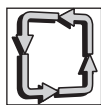
Iliia Kasavin — doctor of philosophical sciences, professor, correspond-member of the Russian Academy of Sciences, the head of the department of social epistemology, Institute of Philosophy, RAS.

WE LIVE IN THE WORLD OF SELF-EVIDENT ILLUSIONS

Трехслойная структура смысла и соответствующая структура жизненного мира — философские концептуализации, предложенные профессором А.Л. Никифоровым для построения аналогии между языком и миром. Возникает впечатление, что все рассуждение несет на себе печать влияния «Логико-философского трактата» Витгенштейна, слегка разбавленное реалистическими мотивами попперовской философии науки. При этом автору не хочется полностью соглашаться с одним австрийцем в том, что границы языка уж так жестко определяют границы мира. Так же нелегко принять концепцию и другого австрийца по поводу трех миров, на которой зиждется понятие объективности знания. Приходится учитывать и то, что говорят по этому поводу ученые: Гельмгольц, Грегори, Гибсон и многие другие, даже на букву «М», скажем, Мах. А поскольку еще и все то, что может быть сказано, должно быть сказано ясно (таков вечный императив нашего автора), ситуация складывается уже совсем непростая.

Выберем для начала обсуждения следующий тезис Александра Леонидовича: «Над... миром повседневного опыта и интерсубъективного знания надстраивается мир национальной культуры, задаваемый национальным языком, традициями, историей... культура вносит в жизненный мир человека такие объекты и ситуации, которых нет в мире опыта и знания». В этом тезисе концентрированным образом выражено представление автора о разных элементах человеческого мира: опыте (трактуемом как повседневный), знании (понимаемом как научное) и культуре как совокупности национального языка, традиций и истории. Содержание этих элементов различно, но не мешает им соединяться друг с другом путем наслоения высших уровней на низшие. Тем самым создается совокупная картина человеческого мира и она представляет собой ту самую целостность смыслов и значений, которая отличает сознание взрослого, здорового, социализированного индивида.

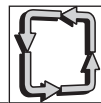
¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00872.

Нарисованный автором образ характеризуется, на первый взгляд, высокой степенью правдоподобия, поскольку основан на целом ряде самоочевидностей. Да, мы знаем, что живем и что это происходит в мире предметов, которые имеют какое-то отношение к нам, т.е. обладают смыслом и значением. И вместе с тем А.Л. Никифоров исходит из некоторых неартикулируемых допущений, которые играют решающую роль в данной картине. Во-первых, автор трактует повседневный опыт как первый уровень индивидуального развития и овладения миром, где формируется представление о предметном мире именно благодаря языку. Он, дескать, способен все сделать предметом подобно тому, как Мидас своим прикосновением все превращал в золото. Однако отношение между миром и человеком не исчерпывается языком. Нет ли в этом рассуждении эмпирической ошибки и логической неточности? Ведь, во-вторых, согласно автору, язык принадлежит миру культуры, которая надстраивается над повседневным опытом. Значит, бывает опыт, т.е. деятельность и коммуникация, даже без языка, и, кстати, психологи обнаруживают такой опыт у младенца, который успешно оперирует предметами и общается с близкими еще до овладения языком. Помимо этого, опыт чувственности есть также впечатляющий *опыт невыразимости* в языке, который обнаруживается в практических видах знания и питает аудиовизуальные формы искусства. Попытки выразить в естественном языке запах, вкус, цвет и звук, ощущение формы и телесный контакт есть извечный вызов литературе, перед которым наука давно расписалась в бессилии. Но если лишить смысла все эти проявления чувственности, то мы получим холодный мир небесной механики, где есть лишь первичные качества и нет ничего человеческого, в том числе и языка. Едва ли автор стремился к такому результату.

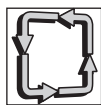
Кстати, в-третьих, довольно трудно представить себе картину, в которой на объективное знание науки наслаивается мир культуры. Ведь человек в онтогенезе, а уж тем более в филогенезе, сначала сталкивается с миром культуры, воплощенным в человеческом общении. И только потом, в процессе специального образования (или длительной истории познания) человек знакомится с миром научного знания в его понятийном выражении. И само это знание возникает как поиск объективности путем дистанцирования от мира культуры с его «идолами» рынка и театра (Ф. Бэкон). Так что это скорее наука «наслаивается» на мир культуры; вытесняет, очищает или даже диалектически «снимает» его, выталкивая конкретно-исторические параметры на периферию и усваивая то «рациональное зерно», которое Поппер помещал в тот же самый третий мир объективного знания.

Впрочем, на деле ситуация еще более сложная, потому что, например, в современном мире человек окружен техническими артефактами, которые исподволь вводят его в мир науки: инструментами

и механизмами, химическими реактивами, энергетическими установками, транспортными, коммуникативными и информационными системами. Пусть этот первый шаг еще не дает знания научных понятий и законов, но он учит оперировать техникой — основой современной науки и образования. В этом смысле обыденный опыт современного человека онаучен с самого начала. Ребенка учат осторожности в обращении с электрическими приборами, с газовой плитой или мясорубкой; со спиртами, солями и щелочами; оберегают от излучения микроволновой печи, телевизора и мобильного телефона, с самого раннего детства знакомя со способами их использования. Следовательно, на вопрос, что первично, а что вторично — наука или культура, можно дать только конкретно-исторический ответ, обремененный многими ограничениями.

Второй тезис А.Л. Никифорова, который привлекает внимание, гласит: «Рассматривая ощущения как интерпретации, мы подразумеваем внешнее воздействие. Сначала нужно задать синтаксис и лишь потом можно говорить об интерпретации. Бесмысленно говорить об интерпретации, когда нечего интерпретировать. Поэтому рассмотрение ощущений как интерпретаций подразумевает существование внешнего мира, оказывающего воздействия». Если начать интерпретировать сам этот тезис даже не как внешнее воздействие внешнего мира, а как факт моего сознания, то, на первый взгляд, это своего рода кантианство. Внешний предметный мир «задается» в форме вещи в себе как идеи разума, по поводу которой можно сказать, что априорная интуиция этой вещи у нас есть, но нельзя выдвинуть никаких оснований для содержательного рассмотрения объективного существования ее денотата. Отсюда ясно, зачем Александру Леонидовичу в данном случае аналогия именно с формальным, а не естественным языком. Ведь только в формальном языке сначала задается синтаксис, а потом семантика. В естественном языке семантика опережает синтаксис, который как раз формируется постфактум в целях упорядочения языкового многообразия. Однако здесь же приходится вспомнить о непреодолимости кантовского дуализма. Ведь мир явлений (а это и обыденное, и научное знание) рассматривается Кантом как самодостаточный опыт в единстве априорных форм и чувственности, опыт, из которого никак не следует существование внешнего мира. Критика такого рода дуализма дается Х. Патнэмом в его известном мысленном эксперименте «brain in a vat» (мозг в сосуде). В самом деле, если только ощущения или ментальные состояния (психологи настаивают, что нужно говорить о восприятиях) суть предмет исследования, то их интерпретации как воздействия внешних предметов или запрограммированных электрических импульсов являются эквивалентными. И что стоит в таком случае весь красочный внешний мир,

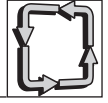
который так мастерски выписывается автором, если существуют только мозг и программирующий его компьютер?

Возникает еще одно соображение, обязанное тому, что профессор Никифоров весьма трепетно воспринимает культуру, помещая ее на самый верх в иерархии человеческого мира. Создается впечатление, что одна из важнейших функций культуры — предоставить индивидуальному сознанию образцы познания и переживания мира. Мы учимся исследовать мир на примере Пастера или Фарадея; создавать прекрасное, следуя Родену или Ван Гог; переживать религиозный призыв вслед за Августином и Кьеркегором. Отвагу и предательство, благородство и ненависть мы постигаем в книгах Дюма, Буссенара и Лондона; уроки любви черпаем у Стендаля и Бунина; нащупываем грань смеха и смерти благодаря Бабелю и Платонову. Но главное, что мы постигаем из культуры, это то, что всякий образец не исчерпывается когнитивным содержанием. Последовать образцу значит быть захваченным его аффективным воздействием, испытать удивление и восхищение, желание отказаться от своего во имя чужого. Все это происходит там, где не работают лично-эгоистическая психология индивида и его телесные потребности, т.е. не в первом и не втором, а в третьем мире Карла Поппера. Этот мир культуры существует в форме музея, библиотеки, театра, интеллектуального сообщества, герои которых постоянно вспоминают, цитируют, окликают друг друга. Предельный случай такого героя — это, по словам Иосифа Бродского, «поэт, то есть — человек, легко впадающий в зависимость от порядка чужих слов, чужих размеров»², человек, всегда готовый «поклониться тени»³ или, как выразился Исаак Ньютон, «стоящий на плечах гигантов». Поскольку такая работа в культуре чрезвычайно обременительна, требует большого труда и самоотречения, то указанное аффективное состояние есть неизбежная предпосылка приобщения к культуре. Так мы обнаруживаем экзистенциальное измерение мира, укорененность всякого сознания человека в вечных проблемах его бытия: жизни и смерти, свободы и ответственности, любви и ненависти.

Анализ картины человеческого мира, предлагаемой Александром Леонидовичем, демонстрирует неукротимую отвагу автора. Он решительно проясняет все, что обладает фундаментальной неясностью, сводя наличное многообразие к некоторым простым элементам. О философской отваге можно писать целые трактаты. Ведь если бы не она, мы были бы обречены на молчание. Но как часто она взамен очевидной и неустранимой сложности бытия предлагает иллюзорную ясность логических конструкций. Кроме того, нельзя за-

² Бродский И. Примечание к комментарию // И. Бродский. Сочинения. Екатеринбург, 2003.

³ Там же. С. 776.

бывать о последствиях. Отважный философ никогда не остановится на достигнутом и в конце концов, подвергнув собственные построения критике, обнаружит их ограниченность. Говоря о языке как фундаменте картины мира, ему рано или поздно придется натолкнуться на невыразимость ее важнейших аспектов и даже принять эту невыразимость в качестве неустрашимой трагедии человеческого бытия. Без сомнения, трехслойная структура мира и смысла — первый и важный шаг на пути онтологической и эпистемологической рефлексии. Он сделан автором, так сказать, в рамках контекста обоснования, когда предметом рассуждения является совокупность высказываний. Чтобы сделать второй шаг, нужно «наслоить» (при всей трудности этой процедуры) на уже сказанное концептуальный поиск в рамках контекста открытия. В этом случае все элементы трехзвенной структуры придут в диалектическое движение и обнаружат свою весьма относительную независимость друг от друга. Потребуется иные концепты и образы, хотя бы частично схватывающие динамику жизненного мира, такие, как деятельность, коммуникация, речевой акт, дискурс, практическое знание, неявное знание, традиция, архетип, символ, метафора и, страшно сказать, экзистенция...